

Дарья Воинова

ШЕПОТ
ГЛИНЫ

Дарья Воинова

Шёпот глины

<https://litres.ru/73862871>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва. Архив старого института. Древняя табличка, пережившая свой мир и затерявшаяся в чужом.

Когда Анна находит её среди забытых материалов, перед ней открывается не только исчезнувший Угарит. Древний текст начинает дышать рядом — не как музейный артефакт, а как загадка, втягивающая её всё глубже.

«Шепот глины» — атмосферный роман на стыке мистики, исторической прозы и интеллектуального детектива. История о мифе, тайне и живой связи между прошлым и настоящим.

Содержание

Анна. Рай	4
Анна. Поиск	25
Анна. Ячмень для храма	42
Анна. Рука Тахила	49
Тахил. Первая трещина	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дарья Воинова

Шёпот глины

Анна. Рай

На перекрестке грохотал отбойник. Асфальт под ногами едва заметно дрожал — дрожь отдавалась в ступнях, поднималась по телу и тонкой вибрацией отзывалась где-то в висках. Анна остановилась на секунду. Ей вдруг показалось, что дрожит не улица, а она сама.

Рабочие расположились на проезжей части и деловито подтаскивали мешки и инструменты прямо по лужам грязи и цементной пыли. В этом году в Москве было большое обновление улиц. Началось оно летом, но затянулось до глубокой осени и сейчас было видно, что темпы ремонта резко выросли. Нужно было успеть до первого снега.

Город спешил. Она — нет.

Будто она сбилась с общего ритма.

Пользуясь образовавшейся пробкой из-за ремонта дороги, Анна переходила дорогу прямо перед бампером гудящего джипа.

Хорошо, что не на машине, — промелькнула мысль. Ехать в центр в конце дня было бы безумной затеей.

Мысль прозвучала ровно и рационально, как выключают лишний свет в пустой комнате.

В последнее время всё внутри звучало именно так — ровно. Даже раздражение стало аккуратным. Будто внутри неё приглушили звук — и она не пыталась вернуть громкость.

На угловом здании, завешенном строительными баннерами, красовалась большая дизайнерская надпись: Колонны восходящего рая.

Колонны восходящего рая. Боже, — подумала Анна, — да это же гениально.

Даже не гениально — нахально. Назвать стройку раем в ноябре на фоне грязи и разрытых тротуаров. Она невольно сбилась с шага. Кто-то сзади толкнул её плечом — но она не повернулась.

На мгновение пространство вокруг действительно посветлело, как будто луч света прорвался сквозь серое небо. Шум улицы отодвинулся. Что-то внутри рванулось вверх короткой, яркой вспышкой...

Но уже на следующем шаге искра стала гаснуть, будто это был не её восторг, а взятый напрокат.

Она шла по улице, и её собственные шаги отдавались

внутри глухим, будничным стуком — ритмом, под который она жила уже много месяцев.

Здание Института было древним - от него веяло историей и сыростью. Воздух у входа был гуще, тише, будто приглашал сбросить скорость. Лепнина над крыльцом пожелтела и отслаивалась закручивающимися слоями, похожими на папирус.

Уж в самом центре-то могли бы постараться сохранить такую красоту, подумала Анна.

Древность всегда вызывала у неё лёгкие мурашки — как будто граница времени истончалась, и сквозь неё тянулись чужие истории. Не словами — просто присутствием. Будто ждали, что кто-то остановится и услышит.

Анна потянула на себя массивную дверь — та поддавалась неохотно, со скрипом. Войдя, она на секунду остановилась, дав глазам привыкнуть к полумраку.

Внутри было облезло, но прекрасно. Видно было, что перед мероприятием всё старались привести в порядок, насколько хватило сил: где-то подкрасили стены, где-то прикрыли пятна, где-то заменили перегоревшие лампы. Но главное всё равно проступало — старые пропорции, высота потолков, потемневшая лепнина, воздух здания, которое помнило больше, чем могло рассказать.

На секунду Анне показалось, что нынешний свет — хо-

лодный и дрожащий — только тонкий верхний слой. А под ним всё ещё мерцала прежняя жизнь: свечи, золотистые тени, шелест платьев, звон бокалов.

Она прошла в зал, где скоро должен был начаться приём.

Вообще все, что касалось этого клиента, - было полной загадкой.

Институт Восточных Культур поручил ей директор агентства с фразой:

«Ты, кажется, в этом разбираешься».

Как будто вытащил из архива её старую, пыльную версию, не спрашивая, хочет ли она её открывать.

Когда-то Анна действительно была историком — в далёком, почти стёртом прошлом. Теперь это казалось случайной опечаткой в биографии.

— Нам необходима, — профессор с седой, чуть козлиной бородой сделал паузу, будто примерял формулировку на вкус, — новая креативная концепция коммуникации с целевой аудиторией...

Он на мгновение запнулся.

Анна едва заметно приподняла бровь.

— Понятно, — сказала она вслух, стараясь, чтобы в голосе не прозвучали усталость и раздражение. — Давайте разберемся. Что на самом деле нужно? Привлечь больше студентов? Чтобы на институт обратили внимание? Чтобы было

понятно зачем туда поступать?

Она слышала себя со стороны — ровно, спокойно, профессионально.

Всё по форме.

Внутри — пустота.

Лицо профессора стало немного менее натянутым. Он явно чувствовал себя неудобно.

Интересно, он из всех сотрудников самый современный? — мелькнуло у нее. — А остальные там вообще из какого века?

И всё же в его растерянности было что-то почти трогательное.

Но профессор быстро взял себя в руки и начал рассказывать, нервно подергивая рукава поношенного пиджака.

Финансирование просело, студентов мало, репутация странная... Профессор замолчал, его пальцы теребили пуговицу, будто она могла ему помочь.

— Вы поймите, образ... он немного несовременный. Как будто мы застряли в прошлом веке. Для некоторых коллег главное — не интерес студента, а идеальное знание, скажем, морфемы древнего языка. Буквоедство, — он махнул рукой

с внезапной досадой. — Вот недавно был случай...

Он снова запнулся, глядя куда-то поверх головы Анны.

— Прислали к нам студентку из партнёрского вуза. На консультацию к Петру Аристарховичу Тищенко, нашему светилу западносемитской филологии. Девушка приехала, знаете ли, полная благоговения. А вышла... — он сглотнул. — Консультация закончилась для неё в туалете. Рыдала там, говорят, целый час. Потом, конечно, жалоба научному руководителю.

— Из-за чего? — спросила Анна, хотя уже догадывалась.

— Из-за пары ошибок в транслитерации консонантного корня, — профессор выдавил это быстро, как бы признавая всю абсурдность масштаба трагедии. — Ну, формально в дипломе у неё Петр Аристархович значится как консультант. Но ясно же — больше к нам никто не поедет.

История не тронула её. И это оказалось тревожнее самой истории.

Профессор продолжал.

Всё шло к закату, но тут появилась надежда — то ли грант, то ли попечительский взнос. Этого он не уточнил. Но, судя по тому, что сейчас он сидел в рекламном агентстве и рассказывал неприятную правду про родной институт, сумма

была немаленькая.

Проблема была только в одном: чтобы получить деньги, институт должен был измениться. Стать обновленным, современным, открытым и максимально доступным для молодежи. И не только для студентов, а для всех, кто проявляет хоть какой-то интерес к восточным культурам. Это означало: проводить мероприятия (Анна почти услышала зубовой скрежет), реанимировать институтский музей, где пылились ценные экспонаты, которых никто никогда не видел.

Анна так и представила, как где-то в тёмном подвале светило западносемитской филологии сторожит эти сокровища от дилетантских взглядов.

Картина получилась точной. Почти блестящей. Но радости не было — мысль сработала сама, без неё.

Профессор тем временем перешел к тому, что институт должен был обновить ветхий сайт и вести несуществующие социальные сети.

Анна опять вздохнула и профессор тревожно замер, ожидая вердикта.

Все это действительно умещалось в красивую фразу про “новую креативную концепцию коммуникации с целевой

аудиторией”.

Но на самом деле институт просил не концепцию. Он просил спасения.

Вечером в институте было мероприятие - что-то наподобие приема для своих. Анна должна была присутствовать, чтобы оценить масштаб катастрофы.

Поручив молодому ассистенту собирать данные для аналитики по выборке институтов, Анна с внутренним сопротивлением стала собираться. В последнее время любое действие начиналось с этой внутренней сделки: «ладно, сделаем это, но потом — сразу домой и тишина».

Приём проходил в очень красивом зале. Несмотря на то, что потолок был в желтых пятнах, а по стенам ползли тёмные разводы от протечек, в этом зале жила красота. Её нельзя было скрыть. Она была в идеальных пропорциях высоких окон, в плавном изгибе мраморного камина, в прихотливой резьбе дверных порталов. Три огромные люстры, каждая величиной с автомобильное колесо, мерцали тусклым, пыльным светом. Анна представила, как они сверкали раньше, начищенные, и ей вдруг стало обидно — не за институт, а за сам зал. Он был как благородный, но обедневший аристократ, которого заставили принимать гостей в заношенном, но единственном костюме.

Гости — а гостями были только свои — уже собрались. Их было человек тридцать, не больше. С первого же обрывка фразы было ясно: они знали друг друга лет сорок. Знали, кто на какой кафедре, кто какую монографию не может закончить двадцать лет, у кого какая болезнь, кто на ком был женат и почему развёлся.

Они стояли плотными, непроницаемыми островками, вокруг которых звучали одни и те же, отточенные десятилетиями темы: недофинансирование, глупость министерства, падение уровня студентов. Их разговоры сливались в низкое, монотонное бормотание, от которого хотелось сделать шаг назад.

Время здесь не шло. Оно вязло. Ей захотелось резко хлопнуть ладонями, перевернуть стол, сказать что-то нелепое, — просто чтобы воздух дрогнул.

На неё смотрели. Не со злостью или интересом, а с тихим, отстранённым недоумением и так искоса, с оценкой. Кто это? Зачем?

Под этими взглядами она почувствовала, как ее плечи предательски ссутулились, будто она была студенткой, которая не доучила даты походов Александра Македонского, а не приглашенным профессионалом.

Это ощущение было странно знакомым.

Она позволила плечам опуститься. А потом, почти раз-

дражённо, выпрямилась.

Не для них — для себя.

Как будто возвращала на место что-то, что не хотела отдавать.

В воздухе висел запах — сложный, многослойный. Пыль старых книг. Сырость стен. Нотки одеколона. И над всем этим — сладковатый, химический дух дешёвого шампанского. Еды, как и предполагалось, не было. Только на маленьком столике у стены одиноко ютилась тарелка с нарезкой плавленого сыра и солёным крекером.

Анна взяла бокал. Шампанское оказалось тёплым, шипение было вялым и обиженным. На вкус — кисловатый лимонад с грубоватым послевкусием. Она отставила бокал на подоконник, за которым во тьме виднелись контуры мокрых от дождя деревьев.

Её профессор — тот самый, с козлиной бородкой, — заметил её и посмотрел с такой надеждой, будто она могла спасти не институт, а его самого. Он двигался сквозь толпу коллег с видом разведчика на вражеской территории.

— Анна, здравствуйте! — взволнованно сказал он, и в его глазах читалось смешение вины и надежды. — Ну, как? Впечатление?

— Зал потрясающий, — честно сказала Анна, кивнув на камин. — Жаль, что он в таком состоянии.

Профессор махнул рукой, будто отгоняя неприглядную реальность.

— А, это... Да какая разница. Главное — дух. Академический дух.

В этот момент мимо них, тяжело ступая по скрипящему паркету, проплыла фигура в коричневом вельветовом пиджаке.

— Петр Аристархович Тищенко, — почти шёпотом произнёс профессор, почтительно склонив голову. В этом имени было столько же веса, сколько в мраморных колоннах зала.

Фигура остановилась, медленно, как башня танка, развернулась. Взгляд упал на Анну.

— Кто? — спросил он одним словом. Голос был дребезжащий, без эмоций, как строчка в библиографическом описании.

— Это, Анна... из агентства. Будет помогать нам с... с

обновлением образа, — пролепетал профессор.

Светило молча смерило Анну взглядом с ног до головы. В его глазах не было ни злобы, ни любопытства - только усталая снисходительность. Светило медленно кивнуло, как будто мысленно отмечая: «Дилетант. Не имеет значения». И поплыло дальше, к группе таких же, как он, седовласых фигур у камина.

Анна решила максимально сократить коммуникацию и стала разглядывать зал. Вдали от гостей, в углу, где сходились тени, стояла женщина — так неподвижно, что сначала Анна приняла её за часть интерьера, за тёмную складку у стены, за сгустившуюся тень в углу.

На ней было простое платье и светлый фартук — такие носят уборщицы или гардеробщицы. Но она не делала ничего, что делают они: не поправляла фартук, не переминалась, не отводила взгляд. Она просто стояла — спокойно, устойчиво, будто суета зала её не касалась.

Руки свободно лежали вдоль тела, плечи были расправлены без напряжения, подбородок чуть приподнят. Седые волосы были гладко убраны назад. Лицо в полутени казалось неподвижным, глубокие складки у рта и глаз выдавали возраст.

Она смотрела на зал. Не на кого-то конкретно — на всю

картину целиком: на сбившихся в стайки гостей, на суемящегося профессора, на одинокую Анну у окна.

Анна поймала этот взгляд на секунду — и что-то внутри коротко сжалось. Не страх. Ощущение, что её заметили раньше, чем она успела спрятаться.

Через мгновение Анна отвернулась. Но ощущение не исчезло.

Ей стало холодно. Глядя на неподвижные спины у камина, Анна вдруг подумала: эти люди жили в другом измерении. Они охраняли крепость, которую уже никто не хотел штурмовать, и считали это высшей доблестью.

«Как можно спасти это место красивыми соцсетями?»

Анна физически ощутила, как липкая атмосфера приёма засасывает ее — разговоры, вежливые улыбки, чужие ожидания. Сопротивляться было всё труднее. Нужно было выйти из этого круга, пока он не замкнулся.

Профессор куда-то исчез. Это было почти облегчением.

Взгляд ее упал на дверь в дальнем углу зала — массивную, дубовую, с чёрной железной скобой вместо ручки. Табличка на ней почти стёрлась: «Архив». Дверь выглядела так, будто её давно не открывали. И именно поэтому она притягивала.

«Лучше в архив», — мелькнуло у неё в голове. Она не понимала, от кого бежит — от них или от себя. Приём был мукой. Но внутри неё было не лучше.

Она тихо направилась к заветной двери.

«Наверное, заперто», — с тяжёлым, почти обречённым спокойствием подумала Анна.

И вдруг её пронзил страх: если дверь окажется закрыта — все просто продолжится.

Она вернётся в зал. Будет стоять у стены с бокалом тёплого шампанского.

Кивать. Делать вид, что слышит.

И завтра — то же самое. И послезавтра. И через год.

Эта мысль оказалась страшнее всего.

Она замедлила шаг. На секунду — почти остановилась. Дверь стояла перед ней, тёмная, массивная, безмолвная.

Никакого знака. Никакого приглашения.

Она взялась за ручку.

Дверь поддалась. Скрипнула. И впустила её в другую плотность воздуха.

А дальше стеллажи в темноте. Анна нащупала на стене выключатель. Вспыхнули длинные, подрагивающие люми-

несцентные лампы, отбрасывающие на сводчатый потолок бледное зеленоватое свечение.

Помещение не было похоже на музей. На полках стояли коробки разного формата. На некоторых были таблички, обозначающие что-то непонятное: «РШ-82/III. Керамика.», «Шпр. Админ. тексты. Коп.», «Неатрибутировано. 1979».

Когда-то она могла бы провести здесь месяцы. Разбирать коробки, читать отчёты, чувствовать себя частью чего-то настоящего. Но это было в другой жизни.

По спине пробежали те же мурашки, что у входа в институт.

Она медленно шла между полок. Воздух пах старым деревом и пылью, осевшей на переплетках — запахом читальных залов её юности, от которого когда-то щемило сердце предвкушением. Анна на мгновение зажмурилась, вдыхая глубже, будто пыталась втянуть в себя не воздух, а само это забытое чувство.

В теле нарастало странное ощущение: вот-вот, ещё немного — и она что-то вспомнит. Как будто внутри медленно открывался давно заржавевший замок.

Ощущение было настолько сильное, что ей захотелось скрутиться в клубок и переждать его, как приступ. Но она дотронулась до одной коробки, потом до другой. Она не решалась в них заглянуть. Казалось, там спали вечным сном, как фараоны в своих гробницах, какие-то важные тайны. И кто она такая, чтобы тревожить их?

Она шла дальше. Её пальцы коснулись еще одной коробки, ничем не примечательной. На крышке простым карандашом было написано: «Разное. Угарит. 1982 г. Не каталогизировано.»

Она не думала. Не взвешивала. Просто сняла коробку с полки. Та оказалась неожиданно лёгкой. Поставила на соседний стеллаж. Руки дрогнули, когда она снимала крышку.

Внутри было немного: осколки керамики с рисунками. Несколько мелких, похожих на гальку, камней с выбитыми знаками. И одна небольшая глиняная табличка, размером с ее ладонь.

Табличка уже лежала у неё на ладони — знакомая, будто всегда там и была.

Тёмная глина, покрытая паутиной мельчайших трещин. На поверхности — знаки.

На секунду мелькнула мысль, что, наверное, не стоило брать табличку голыми руками... Но мысль скользнула мимо, не задержавшись. Всё, что было «надо», «нельзя», «осторожно» — рассыпалось в пыль.

Осталось только — есть.

Тишина.

Шершавость глины под подушечками пальцев.

Вес.

Едва уловимое тепло, которое было не снаружи, а словно отвечало изнутри её ладони.

Табличка была... правильной.

И тогда из самой глубины, из живота, поднялась тёплая, тяжёлая волна. Она катилась медленно, заполняя грудную клетку, горло, голову, кончики пальцев. Вытесняя всё.

Ни мыслей. Ни сомнений. Только эта волна, этот вес на ладони и тишина, в которой пульсировало одно простое ощущение: моё.

Мир сузился до глины и дыхания.

Осознание пришло внезапно: сколько я уже здесь стою? Меня, наверное, будут искать. Нужно уходить. Но эти мысли, возникающие в голове, особо не имели над ней власти. Она не могла выпустить табличку из рук.

И вдруг ей стало страшно. Не от таблички — от того, как легко и безоговорочно внутри всё перестало сопротивлять-

ся. Как будто кто-то тихо снял внутренние заслоны — и воздух вошёл без спроса.

Ей захотелось положить табличку обратно. Закрывать крышку. Вернуть всё на место.

Но она только сильнее сжала пальцы.

Она заставила себя думать.

Я не могу взять её с собой. Это невозможно. Но я могу вернуться.

Нужно сфотографировать ее. Хотя бы сфотографировать, чтобы потом убедиться, что это был не сон.

Очень медленно, регистрируя каждое движение, она положила табличку на полку. Плотное, наполненное состояние уходило из неё постепенно, как эхо: сначала отчётливое, потом всё тише.

Пока не остались одиночество и уязвимость.

Но прежней пустоты уже не было.

Отключив вспышку, она аккуратно сфотографировала табличку с нескольких ракурсов. Нужно было уходить.

Как ни странно, прием в зале еще не закончился. Но Анна решительно направилась к выходу.

Пока она одевалась, ее догнал тот самый профессор, над

которым она еще недавно иронизировала.

— Уже уходите? - в его голосе слышалась смесь растерянности и надежды. Он, кажется, искренне боялся, что она, увидев «масштаб катастрофы», просто сбежит.

— Да, мне нужно... осмыслить, — сказала она, и это была чистая правда.

Повисла неловкая пауза. Нужно было что-то сказать. Все-таки у нее были большие планы на этот институт.

В голову пришло первое попавшееся:

— Скажите, а что это за здание строится на углу? С таким необычным названием - “Колонны восходящего рая”.

Профессор удивленно нахмурился и заморгал.

— Рая? — переспросил он, будто проверяя, не ослышался ли.

— Ну да, — Анна махнула рукой в сторону улицы. — На баннере.

Лицо профессора просияло. Он наконец-то почувствовал твёрдую почву под ногами — почву фактов.

— “Колонны восходящего ряда” - торжественно произнес он. — Архитектурный замысел, знаете ли. Современный.

— Ах, да... Конечно, — пробормотала она, пятясь и торопливо застёгивая пальто. — Спасибо. До связи.

С сильным звоном в ушах и пылающим лицом Анна вышла на улицу. Она вдохнула глубже — слишком резко — и чуть не покачнулась. Хотелось прислониться к стене, но она

удержалась: ей показалось, что профессор всё ещё может наблюдать из дверей.

Она дошла до угла улицы. Чёрные буквы на белом баннере были предельно ясны: Колонны восходящего ряда.

Ряда! Не рая!

Она медленно выдохнула.

Но она-то шла в рай. И она туда попала. Вывеска просто не знала.

На трясущихся ногах она отошла подальше от дороги, достала телефон и стала тыкать пальцем в приложение, чтобы вызвать такси. Ей категорически нельзя было ехать сегодня домой на метро. Слишком много людей, слишком много света. Её собственная машина осталась у работы. А ей очень нужно было побыть в тишине. И подумать.

Такси приехало через пять минут. Анна стояла под жёлтым светом фонаря, сжимая телефон в ледяных пальцах, и смотрела, как мимо плывут огни машин.

Ей было страшно. Она чувствовала, как что-то неведомое, совершенно неконтролируемое ворвалось в её жизнь.

Она села в салон, сказала адрес тихим, чужим голосом. Машина тронулась, погрузив её в мягкую темноту, нарушаемую лишь мельканием уличных фонарей.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить: вес на ладони,

шершавость, почти неосязаемое тепло.

«Что со мной?» — мысль была ясной и холодной.

Сквозь остаточное эхо тепла врезался ледяной клин здравого смысла: «Может, это была галлюцинация? Нервное истощение? Усталость? Ты же знаешь, что так бывает».

Она резко открыла глаза, вжалась в сиденье.

Нет.

Усталость оставляет пустоту.

А это...

Будто всё на секунду встало на своё место.

В кармане лежал телефон с фотографиями. Этого достаточно. Достаточно, чтобы начать. Чтобы проверить. Завтра она поручит дела ассистенту и попробует разобраться со знаками на табличке.

Анна. Поиск

Дома она первым делом открыла холодильник. Не от голода — по привычке, как будто ответ мог лежать где-то между банкой оливок и упаковкой сыра. На дверце стояла недопитая бутылка сухого красного. Анна достала её, нашла бокал, привычным жестом налила.

Это должно было помочь.

Вино пахло тяжело и терпко — деревом, чем-то сухим, пряным. Она сделала глоток — и сразу поняла, что не может. Не потому что вино было плохое. Просто это было из другой жизни. Из той, где вечер можно было приглушить и переждать. А сейчас внутри было что-то слишком живое и ценное, чтобы это глушить.

Она подошла к раковине и медленно вылила вино. Тонкая тёмно-красная струя ударилась о белую эмаль, смешалась с водой из крана, побледнела, стала розовой, почти прозрачной и исчезла в сливе. Анна смотрела, как оно утекает, и почему-то от этого стало ещё тише.

Она вытерла руки о полотенце, взяла телефон и села за кухонный стол. Ей хотелось не совета даже — этого она как

раз боялась, — а чтобы кто-то просто оказался рядом с происходящим. Сказал: да, я вижу. Да, это с тобой. Или хотя бы просто выдержал рядом эти несколько минут, не пытаюсь немедленно назвать, успокоить, вернуть в норму.

Кому она могла бы сейчас написать?

Маме? Мама встревожится сразу, начнёт спрашивать, не заболела ли она, посоветует отдохнуть и выспаться.

Оле? У Оли дети, муж, работа и вечная суета. Нормальные человеческие проблемы. Да и как объяснить ей это?

Кате? Они не виделись месяцами и говорили в основном короткими голосовыми — про работу, врачей и скидки на билеты.

Бывшему мужу? Нет. Ему писать не хотелось.

Остальные были людьми дневного света — коллегами, знакомыми, полу-друзьями, с которыми можно обсуждать проекты, ресторан, отпуск, чей-то развод, но не то, что происходит, когда древняя глина вдруг оказывается тяжелее всех её привычных слов.

Она положила телефон экраном вниз. На кухне было слышно, как гудит холодильник и как по стояку у соседей проходит вода. Анна встала, машинально сполоснула чашку,

хотя та и так была чистой, налила себе простой воды и, не включая верхний свет, села на пол у кухонного шкафа.

Телефон снова оказался у неё в руках. Она открыла фотографию таблички. Экран осветил пальцы, плитку пола, ножки кухонного стола.

Ничего не происходило. Никто не писал. Мир не менялся.

Но и табличка никуда не исчезала.

Ночь не принесла ни сна, ни ясности. Под утро, когда за окном ещё было темно, Анна сдалась и встала. Внутри всё ещё гудело вчерашним эхом, но теперь это был не покой, а зудящая потребность действовать. У сна не было шансов.

Анна, не позавтракав, уткнулась в экран ноутбука.

На столе стоял забытый кофе — она сделала глоток и поморщилась. Холодный, горький.

В поисковой строке мигало: «угаритская клинопись».

Выдало Википедию, несколько научных сайтов с большим количеством терминов, и форум любителей древностей.

Ее пальцы замерли над клавишами. Наивно было надеяться, что Google даст ответ. Ей нужен был не ответ — подтверждение.

Она полезла в список «друзей» в соцсети: пиарщики, ди-

зайнеры, фотографы и где-то в самом конце бывшие однокурсники.

Как написать человеку, с которым не общалась пятнадцать лет? Фразы в голове складывались и рассыпались, как картонный домик. Чем сейчас живут эти люди? Вспомнят ли они ее вообще?

Она выбрала пару контактов: Сергей с параллельного потока и Света - она, вроде, увлекалась древней филологией.

Написала обоим и с бьющимся сердцем пошла в душ смыть налипшее ощущение неловкости.

Ответ от Светы пришел через полчаса. Она помнила, интересовалась как дела. Сама уже давно замужем, воспитывает двоих детей, наукой больше не интересуется. Это не вдохновляло. Пожелав Свете и ее детям хорошего дня, Анна стала собираться.

От Сергея — тишина.

«Ну конечно, — с усмешкой подумала она, выезжая на забитую кольцевую. — Не так легко вспомнить какую-то Аню с потока».

Она включила музыку, тут же выключила. Мысли цеплялись за одно: а что, если это и правда тупик? Если кроме этого случайного контакта у неё просто нет никого, кто смог бы прочесть эти знаки?

Она уже подъезжала к работе, когда сигнал телефона, подключённого к магнитоле, прозвучал в салоне, как выстрел. Сергей: «Привет, Аня. Давно не виделись. Я работаю в аукционном доме «Старая Бумага», но мы тут в основном граврами и ранней печатной книгой XVIII-XIX веков занимаемся, «османами». Клинопись — это не наш профиль вообще, слишком уж глубоко. Сложно помочь».

Анна молча уставилась на дорогу перед собой. И что дальше? Воздух в салоне стал спёртым, тяжелым. Она сгребла волосы с лица и потянулась к телефону, чтобы ответить вежливым «спасибо, что откликнулся» и поставить жирную точку. Кому еще писать она не знала.

Машина послушно въехала в подземный паркинг. Ритуал: выключить зажигание, собрать сумку, посмотретья в зеркало. Эти обычные движения вернули ей ощущение поверхности — хрупкого слоя, по которому нужно было скользить в сегодняшний день.

Весь день она существовала в этом режиме непогружения. Отвечала на письма, кивала на планерке, заставила себя съесть сэндвич за компьютером, листая статьи про Угарит. Всё это было похоже на жизнь, но происходило где-то сбоку от неё, как плохо синхронизированная звуковая дорожка. Главное — не думать о той шершавой тяжести на ладони, которая теперь казалась сном, приснившимся кому-то дру-

гому.

И только ближе к семи, когда офис начал пустеть, а за окном давно стемнело, телефон на столе снова тихо вздохнул от вибрации.

Сообщение от Сергея.

«Хотя... стоп. Совсем из головы вылетело. У нас тут есть один чудак, внешний консультант по ближневосточным древностям. Его на самые сложные лоты приглашают, когда нужно отличить подлинную ассирийскую печать от литой подделки XX века. Зовут Лев. Он не очень... общительный. Наверное, потому что целыми днями в своих табличках копается. Но если его зацепить — он горы свернёт. Держи контакт».

Следом — визитка в сообщении: просто номер телефона и имя «Лев» без фамилии.

Вцепившись в телефон холодными пальцами, Анна аккуратно сохранила номер в контактах, как редкую драгоценность. Пора было ехать домой. Она напишет Льву из машины.

Анна отправила вежливое сообщение, уточняя может ли он уделить ей время. Прошло несколько часов, сообщение прочитано, ответа нет.

Вечер она провела в состоянии подвешенности: чай остывал в чашке, сериал на планшете промотался до титров незамеченным. Она ловила себя на том, что пялится в одну точку на стене, где трещина в штукатурке вдруг показалась ей похожей на клинописный знак. Ночь была беспокойной и разреженной, как будто она спала не в кровати, а в том самом архиве, среди молчащих коробок.

Уже в восемь утра с тёмными кругами под глазами и странной пустотой в желудке после долгих размышлений она отправила ему первое фото таблички с припиской: «Сергей сказал, что вы можете помочь понять, что это. Мне очень важно».

Тишина.

Анна собралась, позавтракала, поехала на работу, периодически открывая переписку со Львом.

Рабочий день рассыпался на знакомые, отработанные жесты: клик по входящему письму, кивок коллеге, движение рукой к кружке с кофе. Единственной реальностью был холодный прямоугольник телефона на столе, чёрный экран и тишина. Сообщение было просмотрено. Ответа нет.

Она села за стол, открыла ноутбук, положила рядом телефон и уставилась на него с ощущением полной безвыходности.

Секунды растягивались, сливаясь в тягучий, липкий ком

немоты. Еще через пять минут, а может, через полчаса, она замерла — в висках стучало тихо и навязчиво.

В строке набора сообщения появились мерцающие точки
- Лев что-то печатал.

Они дёрнулись, замерли.

Исчезли.

Анна не отводила глаз от экрана, как будто от этого зависело, появятся ли они снова.

Еще дважды точки набора сообщения то появлялись, то исчезали, пока не пропали окончательно.

В груди что-то оборвалось. Всё. Игра окончена. Она медленно отодвинула телефон, как отодвигают предмет, причиняющий физическую боль.

Сейчас она закроет ноутбук, возьмёт сумку и уйдёт. Потому что без этого ответа все станет как прежде.

Она снова поедет на встречи, будет говорить правильные слова, слушать, кивать, делать вид, что всё под контролем. Снова будет жить в этом ровном, аккуратном пространстве, где нет ни провалов, ни вспышек, — где всё по форме. Сделает вид, что ничего не произошло. И это будет страшнее любой катастрофы.

Она вдруг поняла, что ждёт не перевода.

Ей нужно, чтобы кто-то сказал — это настоящее.

Что это не случайная фантазия, не усталость, не игра воображения. Что она не сошла с ума.

И в этот миг телефон вздрогнул.

Резкий звук входящего вызова разорвал тишину.

Голос был низкий, быстрый, без приветствий и предисловий.

— Да. Это угаритская алфавитная клинопись. Сохранность отличная. Где нашли?

Анна произвольно села ровнее.

— В одном архиве... Института Восточных Культур. Там много всего лежит, - осторожно ответила она. — Сможете перевести?

— Она же наверняка уже где-то описана, переведена и каталогизирована? — его голос прозвучал скептически, почти укоризненно.

— Дело в том, что именно эта пока нет, — не сдавалась Анна, руки вспотели.

Лев молчал. Слышалось лишь его дыхание.

— Ладно, я посмотрю. Напишу позже. — и связь прервалась.

Анна сжала телефон. Предстояли часы, а может и дни мучительного ожидания. Но теперь процесс начался — и остановить его она уже не могла.

Чтобы не сойти с ума от ожидания, она сходила проведать ассистента — юношу с горящими глазами, которому поручила сбор данных по институтам и их коммуникации. Работа шла как надо. Удостоверившись в этом, Анна тихо села за ноутбук.

Она твёрдо намеревалась заняться отчётом, но пальцы сами, обгоняя мысль, вывели в поисковой строке: «угаритская клинопись». Анна погрузилась в чтение, пробираясь сквозь дебри академических статей в поисках того, что сможет понять.

Первое, что её удивило — простота. Всего тридцать знаков. Анна даже пересчитала — будто боялась, что ошиблась. Слишком мало для клинописи. Во всем регионе вокруг — месопотамская клинопись с её сотнями сложных символов. И тут же — вторая странность: писали слева направо. В культуре, где все тексты шли справа налево.

«Как будто нарочно, чтобы выделиться», — отметила она про себя. «Отличный способ запутать соседей. Представляю, как какой-нибудь месопотамский торговец голову ломал».

Она читала дальше, и факты начали складываться в картину. Обнаружили Угарит не так давно, всего-то прошлом веке, на холме Рас-Шамра на сирийском побережье. Крестьянин спокойно пахал себе поле и наткнулся на каменный

склеп — Анна представила жаркое солнце, запах земли, лязг плуга о камень. Так нашли Угарит.

Всего девяносто лет назад. Город, который вчера лежал у неё на ладони, для мира был лишь пыльным холмом ещё при её бабушке. От этой мысли закружилась голова — не от масштаба времени, а от его равнодушия.

Целый город может исчезнуть. Лежать в земле. Ждать, пока кто-то случайно заденет его лезвием плуга.

И если бы плуг прошёл на метр в сторону — его бы не нашли.

Найденные в Угарите клинописные таблички, как правило исписанные с двух сторон, хранили всё подряд — от мифологических поэм до счетов за зерно.

Не только боги и битвы, но и ячмень, масло, вино и благовония.

Прилагалась даже полная схема клинописных знаков — аккуратная таблица с транслитерацией на латинский алфавит, будто древность уже давно разобрана, пересчитана и разложена по ячейкам.

Оказалось, что угаритская письменность неплохо изучена.

И это странным образом успокаивало и тревожило одно-

временно. В груди на секунду стало холоднее. Если всё изучено — значит, ничего таинственного нет. Если всё изучено — значит, её табличка должна быть где-то в этом порядке. А если её там нет — значит, что-то выпало из общей схемы.

Она вглядывалась в знаки на фотографиях, пытаясь угадать в замысловатых клиньях и черточках хоть что-то знакомое. Безуспешно. Но сам факт удивлял: это был один из древнейших алфавитов.

Она прикоснулась к экрану ноутбука, как вчера к шершавой глине. Её табличка была частью этого. Узнать о ней больше стало не любопытством, а физической потребностью.

Нетерпение нарастало. Чтобы отвлечься, она сходила с коллегами на обед. Вернувшись, проверила почту, ответила на письма, разобрала рабочий стол. За окном уже сгущались ранние ноябрьские сумерки. Знакомый пейзаж из окна офиса, который она видела сотни раз, теперь казался другим - он был вкрадчивым, загадочным и обещал чудеса.

«Собственно, чудеса могут стать ближе, если сделать шаг навстречу», — подумала она. Анна, будучи историком по образованию, конечно, знала про Угарит в общих чертах. Но сейчас ей нужно было не общее, а конкретное. Она снова скользнула взглядом по экрану, выхватывая детали.

Город жил на перекрёстке дорог и цивилизаций, под постоянной угрозой — египтян, хеттов, ассирийцев. Его можно было представить — пыльный, шумный, открытый ветрам и чужим языкам. И всё же он процветал благодаря торговле, умению вбирать в себя чужое и создавать своё.

Постепенно её фокус сместился — от того, как город выживал, к тому, во что он верил. К его внутреннему миру. И дверью в этот мир, как она догадывалась, был его главный миф - «Цикл о Баале». Всего 6 табличек. Половина текста утеряна. И это сильно усложнило его перевод и интерпретацию.

На двух табличках сохранилось имя: писец Илимилку, помощник верховного жреца при царе Никмадду II. Почерк на всех шести был один и тот же — значит, скорее всего, их писал один человек. А дальше начиналось привычное: учёные десятилетиями спорили, в каком порядке это читать. К единому мнению так и не пришли: слишком много лакун, слишком много догадок, слишком мало целого текста.

Анна мысленно кивнула: такова судьба всего, что пролежало в земле три тысячи лет. Учёные спорят, а таблички молчат.

Далее приводилось изложение сюжета “Цикла о Баале” в реконструированном виде. А точнее — в том виде, в

каком многочисленные исследователи попытались расположить эти таблички, будто собирая разбитую чашу и каждый раз примеряя осколки по-своему. Целого всё равно не получалось.

Оглядевшись, она увидела, что офис уже почти опустел. Пора было ехать домой. Но домой не хотелось. Она представила, как в пустой квартире она ждет сообщение от Льва. В офисе было спокойнее. Царящая тут деловая суэта заполняла пространство и не позволяла остаться наедине со своими мыслями и переживаниями.

Время немилосердно тянулось. Каждый раз, когда она ловила себя на том, что пялится в одну точку экрана, не видя текста, она заставляла себя делать глубокий вдох. Нетерпение было похоже на щекотку под сердцем — навязчивую, непрекращающуюся.

Телефон лежал рядом. Чёрный экран. Молчание.

Она стала читать дальше.

Пробегая глазами по строчкам, Анна выхватывала суть: Эл — верховный бог угаритского пантеона — позволяет одному из своих сыновей, Баалу, богу дождя и плодородия, победить другого — Ямму, бога моря. Баал торжествует и строит себе дворец; затем Мот, бог смерти, побеждает Баала, и после времени, проведённого в мире мёртвых, тот возвра-

щается.

В этих событиях Баалу помогала Анат — одновременно сестра и жена. В тексте она действовала решительно, почти жестоко, и её участие было не второстепенным: без неё возвращение Баала попросту не случилось бы.

Сначала всё это показалось Анне знакомым. Как в любом мифе о мёртвом и воскресшем боге, о засухе и возвращении плодородия.

Слишком знакомым.

Она задержалась на абзаце и перечитала его.

Здесь никто не стремился уничтожить другого окончательно. Даже победы выглядели временными, как этапы. В конце они просто... мирятся?

Анна откинулась в кресле, чувствуя лёгкое раздражение. Если это не борьба, то что тогда? И почему без этого «что-то», судя по тексту, мир просто переставал работать?

Она уже собиралась закрыть вкладку, но взгляд зацепился за строку в одной из статей:

«Для архаического сознания смерть не была антагонистом жизни, а её необходимой фазой, подобной сну. Бог плодородия и бог смерти — не враги, а соучастники единого цикла».

Анна перечитала. Формулировка была слишком точной — почти подозрительно гладкой. Слишком гладкой, чтобы быть случайной. И всё же она отозвалась глубже, чем просто интерес. Она, вдруг, поймала себя на том, что боится понять её до конца.

Она углубилась в текст.

Оказалось, что в Египте Осирис изначально объединял в себе обе силы: он был и богом плодородия, и царём загробного мира. Его изображали зелёным, с виноградной лозой, прорастающей прямо из гроба.

Анна замерла. Смерть как почва.

Не противоположность. Основание.

Она читала дальше — и снова споткнулась. В индийском мифе Индра, чтобы победить демона Вритру, должен был... пообещать с ним помириться. Не убить, не уничтожить, а заключить договор.

Договор.

Она отодвинула ноутбук. Офис окончательно опустел и погрузился в тишину. Даже кондиционер перестал гудеть. Анна смотрела на экран, но видела уже не текст, а узоры.

Борьба. Победа. Поражение.

Слова вдруг показались слишком грубыми, слишком

плоскими для того, что она читала. Как будто текст пытался сказать что-то другое, но она пока не знала — что именно.

В комнату вошла секретарша и выразительно помахала Анне ключами. Теперь точно придется ехать домой, вздохнула она, закрывая ноутбук.

Мысли пульсировали в голове. Её табличка, чем бы она ни была, оказалась частью чего-то большого и древнего. И теперь эта древность жила в ней, как тихая, настойчивая вибрация, которая не стихала.

Анна. Ячмень для храма

Сообщение от Льва пришло в семь утра, когда Анна уже стояла у раковины, с зубной щёткой в руке. Ночь, как и следовало ожидать, прошла без сна.

Голосовое:

«Тут есть повторяющиеся группы знаков Это «мера» — md, «ячмень» — š'r, «масло» — šmn. Дальше: l-bt — «для дома», то есть храма. Имя распорядителя... Типичный храмовый хозяйственный список. Табличка похожа на подлинную, сохранность отличная. Но ничего уникального. Таких в Угарите находили сотни. Ценно для изучения хозяйства, но...»

Анна выключила звук, не дослушав.

Слово «список» застряло где-то внутри, как плохо проглоченная таблетка. Хозяйственный. Типичный. Ничего уникального. Нет, не может быть.

Если это правда — значит, всё, что она почувствовала, было её вымыслом. И значит, возвращаться было некуда.

Она посмотрела в зеркало.

Ну что, довольна? — ехидно спросил внутри чей-то голос, похожий на её собственный, но только очень усталый и

циничный. — Учёный муж подтвердил: хозяйственный список. Всё. Возвращайся в нормальную жизнь, где глиняные черепки — это просто глиняные черепки, а не волшебные амулеты.

Но отражение в зеркале молчало. Отражение ждало вместе с ней — сейчас что-то должно проясниться. Сойтись. Встать на место.

Ничего не сходилось.

Могло ли это — тяжесть в ладони, ясность, странное чувство узнавания — быть просто древней бухгалтерией? Она попыталась представить себе этот список так, как его описывал Лев: меры, ячмень, масло. Цифры. Учёт.

Не получилось.

Ощущение не исчезло. Оно не спорило и не доказывало — просто было. Как след в теле, который остаётся, даже когда сомневаешься в причине.

Анна прополоскала рот, вытерлась полотенцем и ещё раз посмотрела в зеркало.

Нет. Каким бы разумным ни было объяснение, оно не отменяло того, что она чувствовала.

Ей необходимо было еще раз проникнуть в архив.

Она посмотрела на план работ по проекту института. Сегодня как раз можно назначить встречу с профессором для

уточнения «комплексной стратегии».

План работ был её легализацией. «Встреча с заказчиком для уточнения ТЗ» — звучало солидно и невинно.

Колонны восходящего ряда были по-прежнему колоннами восходящего ряда. И это казалось почти насмешкой — как будто мир с самого начала говорил буквально, а она слышала иначе.

Перед входом в институт она почувствовала, что почти бежит вперед, как будто ее подталкивал невидимый ветер, заботливо направляя к нужной двери.

Профессор встретил ее в том же потертом пиджаке и провёл в кабинет — комнату, заваленную стопками книг и папок, с огромной картой Ближнего Востока на стене. Встреча прошла скучно: Анна выпрашивала факты про институт, программы, специальности, факультеты и кафедры. Но мысли ее были о другом:

— Вы знаете, я в прошлый раз была так впечатлена архивом. Подлинность... она меняет восприятие. Для креативной концепции очень важно передать это ощущение прикосновения к истории. Нельзя ли... мне ещё раз посмотреть архив? Чтобы вдохновиться?

Профессор заёрзал в кресле, но отказать «креативному специалисту», от которого зависит судьба института, не

СМОГ.

— Ну, если ненадолго... Я сам проведу вас.

— Вот, собственно, всё хранилище, — он широким жестом обвёл стеллажи. — Коллекция, конечно, требует систематизации и оцифровки. Когда мы получим средства, то наймем специалиста, который этим займется. Тут, как видите, работы непочатый край. В музее на втором этаже лежит только сотая часть от всех экспонатов. На что именно вы хотели бы взглянуть?

Анна медленно шла между стеллажами, повторяя недавний путь.

— Можно... вот на эту? — она указала на ту самую коробку с надписью «Разное. Угарит. 1982 г. Не каталогизировано.»

Профессор поднял бровь, снял коробку, поставил на стол. Вынул ту самую табличку в пластиковом пакете.

— А, эта, — сказал он, и в его голосе зазвучали знакомые, лекционные нотки. — RS-номер 1982.017. Найдена в секторе Н-7, рядом с хозяйственными постройками. Типичный храмовый хозяйственный список. Очень ценный экспонат для понимания экономической жизни Угарита.

«Экономической жизни», — эхом отозвалось у Анны внутри.

— Когда мы получим финансирование на новую витрину, планируем выставить её в разделе «Повседневность древнего города».

Он бережно положил табличку на ладонь, как кладут образец на весы.

Рядом с гирями, мерными сосудами... Очень наглядно.

Его слова катились медленно, накрывая всё вокруг бюрократическим спокойствием.

Он говорил также, как Лев, только еще суше и обыденнее. От этих слов у Анны внутри все сжалось. RS-номер какой-то... А для нее целый мир, который он сейчас складывал обратно в коробку.

Ей хотелось сказать: подождите. Это не про учёт. Это про дыхание. Но она молчала.

Профессор поставил коробку на полку, начал что-то говорить о графике работ, но Анна почти не слышала.

— Спасибо огромное, — сказала она, когда они вышли из архива в коридор. — Это бесценный опыт.

Они дошли до вешалки, профессор тоже начал надевать пальто, собираясь её проводить. Анна сделала вид, что роется в сумке.

— Ой, я, кажется, забыла блокнот на столе в архиве. Я на секунду, вы не могли бы подождать?

— Да, конечно, — кивнул профессор, застёгивая пуговицу.

Анна побежала обратно по коридору. Сердце стучало в висках. Дверь в архив, слава Богу, он не запер. Она влетела внутрь, схватила со стола свой блокнот, и... замерла у стеллажа.

Коробка стояла на месте. Она вынула её, достала табличку.

И... снова — оно. Слова профессора испарились, как нелепый сон. Волна спокойствия, глубокой ясности. Тяжесть в ладони была не просто весом старой глины. Она была правильной. Как будто её рука тысячу раз принимала этот вес. Шершавость поверхности, знаки, тепло, которое казалось идущим изнутри...

Она водила пальцами по знакам, вглядывалась в каждый скол, каждую трещину. Может, есть ещё какие-то отметины, значки? Должно быть что-то.

Почти случайно, она перевернула табличку.
И замерла.

На обороте были другие клинописные значки. Менее чет-

кие, местами смазаны, строки неровные, но они точно там были.

От волнения перехватило дыхание. Она судорожно достала телефон, сделала десяток чётких снимков под разными углами, стараясь поймать каждый знак. Потом аккуратно уложила табличку обратно в коробку и на место.

Выходя из архива, она дышала как марафонец. Профессор ждал у выхода.

— Нашли? — спросил он.

— Да, — улыбнулась Анна. — Нашла.

Анна. Рука Тахила

Прямо из такси Анна отправила Льву новое сообщение, прикрепив все фото.

«Лев. Простите за беспокойство. Я была невнимательна. Вот фотографии обратной стороны. Посмотрите, пожалуйста. Мне кажется, это что-то совсем другое».

Отправила. И, затаив дыхание, стала ждать. На этот раз она ждала не со страхом, а с предвкушением охотника, который наконец учуял верный след.

Как она могла не догадаться? Она же сама вчера читала, что на табличках писали с двух сторон. Облегчение накрыло ее, ноги стали как ватные.

Не прошло и десяти минут — экран телефона вспыхнул синим светом видеозвонка:

На экране возникло бледное, возбуждённое лицо в очках. Лев не поздоровался. Он тыкал пальцем в сторону, будто показывая прямо через экран.

— Ты видишь?! — голос врывался в тишину, без предисловий. — Вот этот знак! «Или-мил-ку»! Это Илимилку, пи-

сец! Тот самый, с чьей руки до нас дошёл весь основной цикл угаритских мифов! А здесь, смотри, «Та-хи-лу»... Ученик? Анна, ты понимаешь, что это? Это не хозяйственный список! Это... что-то другое! Ты слышишь?!

Анна, прижав телефон к уху, молча кивала. У неё в груди распускалось огромное, тёплое чувство. Дыхание стало глубже, медленнее, будто тело уже знало то, что ум ещё не успел сформулировать.

— Я... я слышу, — наконец выдохнула она. — Что там... что он пишет?

— Не знаю ещё! Тут нужно сидеть, разбирать! Но это... — Лев умолк, в его голосе появилось почти благоговение. — Дай мне ночь. Я всё переведу.

Рассвет еще не начинал размывать ночную синеву за окном, когда телефон Анны на тумбочке вздрогнул. От Льва. Звонок. 7:17 утра.

Его голос был другим — приглушенным, хриплым от потрясения.

«Анна. Сядь. И слушай. Ты была права. Это письмо. Я буду читать дословно. Сначала транслитерация, потом перевод. Готовься.»

Анна перевела телефон на громкий режим и прикрыла глаза.

В комнате зазвучали странные, гортанные слоги — «šnt»,

«ab», «hmt». Древний язык, живой шёпот из небытия.

А потом — голос Льва, накладывающийся на этот шёпот:

«Прошел год с тех пор, как отец стал частью стены...»

Первая строка ударила её в солнечное сплетение. Стал частью стены.

Не умер. Не погиб. Стал частью.

«Дед Илимилку молчит и месит глину. Жрец говорит о звездах и дыхании.»

Илимилку - то самое имя великого писца мифов. Его дед. Она представила старика в тихой мастерской, чьи руки, сминая глину, запечатывали в неё молчание и боль.

«Боль — она здесь, как осколок в пятке.»

Анна непроизвольно сжалась. Это была правда тела. Боль, с которой живёшь каждый день, с каждым шагом.

И тут началось самое важное.

«Сегодня, глядя на то, как высохший стебель ломает ветер, я подумал...»

Лев сделал паузу, его голос дрогнул.

«Дальше... дальше гениально. Слушай.»

«Мот — это не вор, который украл отца.

Он гончар, который взял сосуд — чтобы... перелить его в другую форму?»

Анна затаила дыхание. «Гончар»? Мот? Не слепая разрушительная сила, а мастер, меняющий форму. Её мысли лихорадочно метались.

«Чтобы песня матери не осталась в одной груди, а разлетелась на множество голосов?»

Анна почувствовала, что из глаз покатались слёзы.

«Жрец говорит: "Баал дает форму, а Мот дает пространство для новой формы".»

Как мог Мот что-то давать? — мелькнуло у неё.

«Страшно. Но в этой мысли есть странный покой. Как будто мое дыхание стало шире.»

Где-то в солнечном сплетении вибрировало. Она сидела в Москве, через три тысячи лет, и её тело отзывалось на его страх и его покой, как на собственные.

Лев читал дальше, и каждое слово падало в её душу.

«Я хочу запомнить это чувство...»

Пауза. Анна услышала, как Лев переводит дыхание, будто

следующая строка требовала особой чёткости.

«Когда-нибудь я тоже... уйду через эти врата.

Кто найдет эту глину, пусть знает: я не боялся в конце. Я понял. Я иду на встречу с Великим Переделывателем.»

— И в самом низу таблички, у края — голос Льва сделался торжественным, отчеканивая последнюю строку:

«Боль — это дверь.»

Последняя фраза. Три слова.

Лев замолчал. Потом, сдавленно:

«Подпись: Рука Тахила, ученика Аттинпарлану Звездного Свидетеля. Всё. Анна, это... это частное письмо. Но он написал его на табличке, которая должна храниться веками. Он написал его для нас. Для тех, кто найдёт и прочитает.»

Анна не могла ответить. Она сидела, обхватив себя руками, и слезы текли беззвучно, смывая что-то накопившееся, окаменелое.

Она представила его с невероятной ясностью. Мальчика, который тосковал по родителям, слушал учителя, смотрел на звёзды и на сломанный ветром стебель.

Мальчика, который из своей боли выковал такое понима-

ние — она пока не в силах была его вместить.

Он протянул руку через тьму веков, войны, пожары, забвение - и смысл дошёл. Хрупкий, личный, неискажённый.

Она посмотрела на свои влажные ладони. Тахил писал о страхе и покое. И это было здесь.

Страх — и тихий, глубокий покой, как замирающая боль в мышцах, когда находишь удобное положение для давно ноющей спины.

Лев, на другом конце провода, не выдержал тишины. Его голос сорвался, пробиваясь через потрясение, в возбуждённый восторг.

— Анна, ты понимаешь масштаб? Это частное письмо на ритуальном носителе! Смешение жанров! Ученик великого писца, прямой наследник традиции, и он пишет о... о личном прозрении, как в дневнике! Это переворачивает всё, что мы знали о границах сакрального и профанного! Мы должны...

Его слова долетали до неё, как отзвуки из другого измерения. Они были важны. Потом. Не сейчас.

— Лев, — перебила она его, и её собственный голос по-

казался ей тихим, но очень твёрдым. — Спасибо. Спасибо огромное. Это... я не могу говорить об этом сейчас. Просто... пришли мне текст. Весь. Пожалуйста. Мне нужно... мне нужно побыть с этим.

Она не могла объяснить, что ей нужно было не анализировать, а дышать этим воздухом, который только что ворвался в её квартиру из бронзового века.

На той стороне на секунду воцарилась тишина. Потом он вздохнул — не обиженно, а с пониманием, которое её удивило.

— Да. Конечно. Понял. Я... я тоже. Это нужно переварить. Пришлю всё через пять минут.

Он положил трубку.

Тишина, наступившая после, была не пустой. Она была густой, звонкой, наполненной. Анна медленно опустила телефон на одеяло. Предрассветный сумрак в комнате казался теперь не унылым, а сакральным.

Она была одна. В пустой квартире, которая вдруг перестала быть пустой. В ней теперь жил он. Его присутствие. Чувство невероятной близости.

Это было новое, необъяснимое чувство — и оттого настоящее.

Не жалость, не дружба, не нежность.

Будто её душа, долго блуждавшая в темноте, вдруг коснулась другой — родственной.

Она любила этого мальчика. Его хрупкую смелость, его тишину, его взрослую ясность. Это было чувство без ожиданий и без будущего — просто узнавание. Как будто он стоял рядом, босой, с глиной под ногтями, и смотрел в то же небо.

И через эту любовь к далёкому, давно ушедшему ребёнку к ней вернулось ощущение себя.

Живой.

Настоящей.

Слезы катились сами, а сердце билось — в унисон с тем, кто жил, когда мир был так юн.

Она встала, подошла к окну. Небо на востоке начинало светлеть, проступала тонкая полоска цвета увядшей розы. «Боль — это дверь», — повторила она про себя.

На кровати тихо пискнул телефон — пришло сообщение от Льва с файлом. Она посмотрела на экран и мягко улыбнулась. Пусть весь мир подождет. Сейчас её мир был здесь. В этой тихой комнате на рассвете, наполненной эхом голоса мальчика из Угарита и её собственным дыханием.

Письмо Тахила она сохранила в телефоне. Файл, присланный Львом. Текст, который теперь был главной реальностью её жизни. Она еще раз посмотрела на эти несколько строк с добавленными Львом консонантными корнями:

Прошел год (šnt) с тех пор, как отец (ab) стал частью стены (ḥmt).

Дед (sbb) Илимилку (lmlk) молчит и месит глину (ṯṯ). Жрец (khn) говорит о звездах (kbkbn) и дыхании (nrš).

Боль (k'b) — она здесь (p'n), как осколок (ḥrṣ) в пятке ('qb).

Сегодня, глядя на то, как высохший стебель (qnh ybš) ломает ветер (rḥ), я подумал (ḥšb):

Мот — это не вор (gnb), который украл (gnb) отца.

Он гончар (qšr), который взял сосуд (kdn) — чтобы... перелить ('rk) его в другую форму (šgm)?

Чтобы песня (šr) матери ('m) не осталась в одной груди (ḥz 'pt), а разлетелась (prš) на множество голосов (qlt)?

Жрец говорит: «Баал дает форму (šgm), а Мот дает пространство (rḥb) для новой формы».

Страшно (yḡ'). Но в этой мысли (mḥšbt) есть странный покой (nḥt).

Как будто мое дыхание (nrš) стало шире (rḥb).

Я хочу запомнить (zkr) это чувство (rḡ).

Когда-нибудь я тоже... уйду (hlk) через эти врата (dlt),

Кто найдет эту глину (t̄t̄), пусть знает: я не боялся (yḡ) в конце (ʿḥr). Я понял (bun).

Я иду (hlk) на встречу (ʿrḥ) с Великим Переделывателем (qṣḡr ʿṣm).

Рука (yd) Тахила (tḥl), ученика (lmd) Аттинпарлану (tnprl) Звездного Свидетеля (ʿd kbkb)

И ниже, почти у края:

Боль (kʿb) — это дверь (dlt).

Тахил. Первая трещина

Воздух в мастерской был густым от запаха сырой глины и полным непонятных ожиданий. Что-то заканчивалось — может, лето, плавно подходившее к концу. Шел месяц Риш Йени — «Головка Вина», — а всемогущий Баал все еще не слал на землю обещанных осенних дождей. Воздух на улице был сухим и знойным, пыльным. Но здесь, под сводами из сырцового кирпича, всегда царила прохлада.

В одном месте по стене шла тонкая трещина — почти невидимая, как волос. Тахил ловил себя на том, что всё время возвращается к ней взглядом.

Сквозь деревянную решетку окна пробивались длинные вечерние лучи. В них танцевали миллионы пылинок. В углу комнаты стоял большой пифос с водой. Скоро в этот пифос соберут первую дождевую воду, торжественно пронесут его по улицам города, а потом испекут на этой воде ритуальные лепешки на Пирру. Глиняный террафим, хранитель дома, внимательно следил за порядком из своей ниши у порога.

Все казалось спокойным: на низком столе горела масляная лампа. Ее колеблющийся свет скользил по странным значкам, которые дед так тщательно выдавливал на влажной глине. Глина сегодня была капризной: по краям подсыхала

слишком быстро, и след тростника выходил неровным. Дед раздражённо разгладил поверхность и начал заново.

Дед был большим человеком, писцом при храме. Сам верховный жрец велел ему запечатлеть священные тексты, облечь их в вечную форму. Тахил наблюдал, как он, склонив седую голову, водил заостренным тростником.

Нога затекла. Тахил очень тихо сменил позу — дед не любит, когда отвлекают.

Тишина в мастерской была законом.

Тахила не допускали к чистой работе. Он был руками и ногами мастера: готовил таблички, месил глину, затачивал стилусы и стоял на страже у двери, чтобы никто не смел прервать священнодействие.

Тахилу было странно: зачем записывать Великую Песню? Ее знал наизусть каждый ребенок. Она была в камне стен, в ритме жизни, в шуме рынка. Ее рассказывали на Пирру, когда весь город, от мала до велика, собирался поддержать колесо года. «Зачем?» — думал он, глядя на спину деда. Дед не отвечал. Если велел жрец — значит, в этом был сокровенный смысл. И все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.